

43. Библиотека „Всходовъ“:
Принцъ и нищій. Соч. Марка Твэна.
Перев. съ англ. З. Журавской. Его же.
Приключенія Тома. Пер. съ англ.
З. Журавской. **Приключенія Финна.**
Пер. съ англ. А. Анненской. Спб. Изданія
редакціи журнала „Всходы“.

„Принцъ и нищій“ — Клеменса —
Марка Твэна — уже давно непрѣмѣнно
включается въ каталоги дѣтскихъ книгъ.
Что повѣсть эта сильно занимаетъ
юнцовъ, страстно запрашивается ими,
въ томъ легко убѣждается каждый
взрослый и до сегодня. Авторомъ здѣсь
схваченъ соблазнительно интересный
контрастъ: неожиданныя чествованія,
выпадающія на долю оборвыша — и
удивительное горемыканье принца,
переодѣтаго въ лохмотья. Для молодого
читателя, иногда такъ горячо желаю-
щаго „документальности“ разсказа,
очень привлекательны и историческая
обстановка сочиненія Твэна, эффектнаго
и блескомъ и ужасами подробностей.
Ну, и съ другой стороны, разумѣется,
Клеменсъ надѣленъ несомнѣннымъ ли-
тературнымъ дарованіемъ (не круп-
нымъ); духъ его — бодрый, здоровый.
Къ драгоценнымъ книгамъ дѣтской
библіотеки мы не причтемъ „Принца
и нищаго“. Здѣсь много насильствен-
наго, забавляющаго фантазирования;
мораль нѣсколько вымѣренная, хотя
нерѣдко протестующая; смѣхъ тутъ,
случается, ради одного смѣха. Но за-
слуга М. Твэна неколебима: онъ не
поддаетъ дѣтей мертвымъ дидактиз-
момъ. Въ сущности, другія „дѣтскія“
сочиненія американскаго писателя въ

значительной степени переживаютъ
„Принца и нищаго“. Берутся у него
для изображенія и времена болѣе отда-
ленные, когда въ школахъ царить без-
прерывная порка, невѣжество массъ
удручающее, разбойничество процвѣ-
таетъ. И въ самой фабулѣ авторъ ору-
дуетъ извѣстнымъ механизмомъ. Ге-
рой — грязный, бѣдный, буйный маль-
чикъ, достаточно несчастный, въ своемъ
родѣ — Иванушка-дурачокъ, непрѣмѣнно
съ золотымъ сердцемъ. Отецъ обыкно-
венно и пьяница и злодѣй. Имѣется и
тетушка — пунктуальная, этимъ весьма
надѣдливая — и всегда очень добрая.
Въ „Приключеніяхъ Тома“ приведенъ
маленькій романъ. Въ похищеніяхъ
Финна — озаряетъ душевный мракъ
героя — симпатичная Мэри. Поджоги,
воровства, грабежи, мѣшки съ золо-
томъ, продолжительные побѣги юнцовъ,
отысканія, по ошибкѣ, ихъ труповъ
въ рѣкѣ, подслушанія важныхъ
уголовныхъ тайнъ — и подвиги, по-
двиги безпутныхъ и лѣнивыхъ школь-
никовъ — переполняютъ страницы про-
изведеній Марка Твэна. Въ любомъ
англійскомъ или собственно американ-
скомъ журналѣ съ иллюстраціями на
потребу и очень зрѣлой публики — по-
вѣсти съ подобными же приключеніями
и посейчасъ преизобилуютъ. Намъ воз-
разятъ, что дѣтямъ надо же *поставлять*
книги. М. Твэнь — приличнѣйшая фирма.
Остаемся при своемъ пристрастіи не
къ числу книгъ, а къ достоинствамъ.

А. Н.

Редакторъ-Издатель Алексѣй Альмедингенъ.

Дозв. цена. Спб. 2 Юля 1903 г.

Художеств. Типо-Литографія А. К. Вейерманъ, Мѣщанская 2.

ВОСПИ

XXVII г.

СОДЕРЖАН

- I. Чувство въ дѣтяхъ, Д
- II. Что читать дѣтямъ?

Чувство въ

Съ шаблонной точ-
ности въ маленьки
и въ людяхъ взрослые
шатка и сбивчива.
рѣдко слышать такіе
„чувствительный реб-
енъ ребенокъ“, и з:
пророчество о томъ,
отзовутся на будущно
нерѣдко бывало, что
душный ребенокъ ок-
обдѣленнымъ обычно
чувствительности, а и
и болѣе; и наос
чувствительностью к
лись, вырастая, оказы
Откуда такое превра-

Но никакого превра-
дѣло заключалось въ
дѣтскаго чувства и в
точкѣ зрѣнія оцѣни
бушка упрекала за не
внучку, которая не п
нею отъ непонятной
повѣди. Дѣло въ томъ
была способность про
она слышала слова:
внучка, сначала пла-

305

„Восп. и Обуч.“ № 8, 1903.

Воспитание и обучение

1903 № 7

1903. 15

слѣднаго чуть не въ бѣшенство, и учитель потребовалъ немедленнаго исключенія невиннаго мальчика, такъ какъ изъ одноклассниковъ его никто не хотѣлъ признаться въ своей винѣ. Когда узнала объ этомъ Бѣлиндочка, она страшно взволновалась за своего друга, возмущалась поступкомъ его товарищей. И вдругъ она открыла, что виновникомъ этого постыднаго поступка былъ ея братъ. Дѣвочкѣ пришлось перенести страшно тяжелыя минуты; она рѣшила во что бы то ни стало лаской и увѣщаніемъ довести своего брата самого до раскаянія въ своемъ поступкѣ. И доброй дѣвочкѣ удалось это сдѣлать: братъ со слезами покаялся передъ нею и на утро заявилъ инспектору о своей винѣ. Сюжетъ разсказа, какъ видно, не отличается особенно оригинальностью, но разсказъ выполненъ очень добросовѣстно, даже не безъ художественныхъ штриховъ, особенно въ послѣднихъ сценахъ между братьемъ и сестрою. Въ немъ, вопреки ожиданію, даже незамѣтно почти сантиментальности, къ которой имѣетъ такую слабость г-жа Л. Въ виду этого разсказъ можно вполне рекомендовать для чтенія дѣтей, но только средняго возраста, а не старшаго, какъ предлагаетъ г-жа Л. Послѣднихъ онъ врядъ ли удовлетворитъ.

Что касается остальныхъ двухъ разсказовъ: *Дошамисъ* и *Галчата*, то они не могутъ претендовать ни на какое художественное значеніе. Это—просто самые заурядные, шаблонные дѣтскіе разсказы. Въ первомъ передается исторія о томъ, какъ пансіонеры одного учебнаго заведенія вздумали налутать одного изъ своихъ товарищей, нарядившись привидѣніями,—а въ другомъ разсказывается о маленькой дѣвочкѣ, пришедшей въ отчаяніе при видѣ выпавшихъ изъ гнѣзда галчатъ.

Въ заключеніе надо отмѣтить, что всѣ книжки г-жи Л. изданы замѣчательно тщательно, даже роскошно, на хорошей бумагѣ, прекраснымъ четкимъ шрифтомъ, съ многочисленными тщательно исполненными рисунками; большинство ихъ, впрочемъ, не отличается художественностью исполненія, напоминая скорѣе фотографіи.

Приключенія Финна. Сочин. Марка Твена. Переводъ съ англ. А. Анненской. Съ 65 рис. Изд. ред. жур. „Всходы“. Спб., 1902 г. Стр. 296. Ц. (?)

Эта обьемистая повѣсть, въ триста страницъ мелкой убористой печати, извѣстнаго талантливаго американскаго юмориста прочтется юными читателями, особенно средняго возраста, съ большимъ интересомъ; увлекательно написанная, съ тонкимъ живымъ юморомъ, она даетъ какъ массу яркихъ характерныхъ картинъ и типовъ американской жизни, такъ и много очень интересныхъ наблюденій изъ области дѣтской психологіи. Помимо этого, повѣсть имѣетъ и большое воспитательное значеніе, развивая критическую мысль въ юныхъ читателяхъ, вдумчивое отношеніе къ жизненнымъ явленіямъ и гуманное чувство.

Содержаніе ея относится къ эпохѣ, непосредственно предшествовавшей войнѣ за освобожденіе негровъ. Основнымъ мотивомъ повѣсти является та страсть къ авантюрамъ и всевозможнымъ приключеніямъ, которая вообще свойственна предприимчивой натурѣ Янки. Главные герои повѣсти, мальчики Финнъ и Пеолінъ, брошенные на произволъ судьбы бродягой-авантюристомъ отцомъ, вѣчно мечтавшимъ о химерическомъ богатствѣ,—живутъ подлѣ опекой и на воспитаніи у двухъ сердобольныхъ старыхъ миссъ, которыя всѣми мѣрами стараются развить въ нихъ чувство общепризнанной благовоспитанности и добропорядочности. Но это имъ плохо удается; свободолюбивые мальчики съ трудомъ подчиняются опекѣ и воспитательному режиму добрыхъ женщинъ, постоянно придумывая разныя „героическія“ походы, которыя послѣднихъ очень огорчаютъ. Въ концѣ-концовъ мальчикъ Финнъ сбѣжалъ сначала къ своему бродягѣ-пятицѣ отцу, жизнь котораго на свободѣ ему очень понравилась, а затѣмъ, не желая подвергаться постояннымъ колотушкамъ отъ пьянаго отца, Финнъ, взявъ его лодку, ружье, удочки и кое-что изъ съѣстнаго, задумалъ вести самостоятельную жизнь, спустившись по Миссисипи къ пустынному острову, гдѣ онъ неожиданно встрѣчается съ другимъ бѣг-

Вѣстн. Восп., кн. V.

лецомъ-негромъ Джимомъ, крѣпостнымъ рабомъ его воспитательницы, который бѣжалъ отъ своей госпожи одновременно съ Финномъ, надѣясь добратся до свободныхъ штатовъ, заработать тамъ денегъ и на нихъ выкупить свою семью, проданную въ другія руки.

Юный Финнъ живо заинтересовывается судьбой своего неожиданнаго товарища, и они вмѣстѣ обдумываютъ планъ спасенія отъ погони и бѣгства въ свободные штаты. Во время пути они переживаютъ массу столкновений и приключений, но благодаря находчивости смѣлаго, честнаго и предприимчиваго Финна они благополучно преобладаютъ всѣ препятствія.

На этой благодарной канвѣ авторъ въ изобилии разсыпаетъ массу необыкновенно остроумныхъ мыслей, сопоставлений, характеристикъ и сценъ. Наибольше ярко, характерно и живоно обрисованы два главныхъ его героя, Джимъ и Финнъ. Добрый, робкій, преисполненный всякихъ преразудковъ, недалекій Джимъ въ то же время отличается необыкновенно нѣжною привязанностью къ тѣмъ, отъ которыхъ онъ видѣлъ любовное и хотя мало-мальски человѣческое отношеніе къ себѣ; къ Финну онъ привязывается, какъ къ родному, а ради освобожденія себя и своей семьи онъ готовъ на всякое самопожертвованіе. Но съ особенною художественною и психологическою тонкостью и проницательностью задуманъ и обрисованъ типъ юнаго Финна. Главнымъ образомъ интересенъ и поучителенъ въ воспитательномъ смыслѣ тонко изображенный авторомъ психическій процессъ выработки своеобразнаго нравственнаго склада, который не-реживаетъ этого мальчикъ при перекрестномъ влияніи на него самыхъ противорѣчивыхъ воздѣйствій: "отъ довольно свободныхъ отъ всякихъ нравственныхъ началъ взглядовъ его отца и строго-религіозной моральной опеки добродѣтельной миссъ до стихійнаго подчиненія взглядамъ всей той людской толпы, съ которой ему приходится встрѣчаться. Преподставленный исключительно самому себѣ, онъ долго и мучительно колеблется въ выборѣ тѣхъ или другихъ взглядовъ въ отнѣкъ своихъ поступковъ, но естественныя, здоровыя

и добрыя чувства его натуры въ концѣ-концовъ берутъ верхъ надъ всѣми этими влияніями. Особенно тяжелыя мисны приходилось ему переживать, когда онъ, съ одной стороны, вспоминая свою добрую опекуницу, искренно старавшюся при помощи библейскихъ поученій сдѣлать изъ него "истиннаго христіанина", проникался къ ней сердечной симпатіей, а съ другой стороны, онъ чувствовалъ еще болѣе шія симпатіи къ ея бѣглому рабу Джиму, но которому, на основаніи тѣхъ же яко бы христіанскихъ поученій, которыя старалась внушить ему старая миссъ, онъ подлѣ страхомъ гнѣва Божія и Страшнаго суда не только не могъ сдѣлывать въ бѣгствѣ отъ его госпожи, а обязанъ былъ не-медленно донести на него.

Вообще вся повѣсть по глубинѣ психологическаго анализа и своему воспитательному значенію представляетъ очень поучительное чтеніе для юныхъ читателей, тѣмъ болѣе, что проводимыя въ ней идеи не навязываются авторомъ, какъ истиннымъ художникомъ въ формѣ тенденціозныхъ поученій, а воспринимаются сами собой непосредственнымъ чувствомъ читателей.

Изданія для народа:—За тюремной рѣшеткой. *Повѣсть объ итальянскомъ узникѣ Сильвіо Пеллино. По запискамъ его составилъ М. Бекетова. М. 1902 г. Стр. 192. Ц. (?)*.—Сильная рука и Золотое сердце. *Романъ (по Зудерману). Пер. съ нѣмца. Стр. 196. Ц. (?)*.—Сказаніе о трехъ лиліяхъ и пр. С. Орловскаго. Стр. 62. Ц. 3 к. — Дочь нитайскаго вельможи и др. разсказы. И. Горбунова-Посадова. Стр. 32. Ц. 1½ к. — (Всѣ книжки изд. ред. "Посредника".)

Забракованный. Разск. А. Свирскаго. Ростовъ-на-Д. 1903 г. Стр. 16. Ц. 2 к. — Боргамотъ и Гараська. Разск. А. Андреева. Стр. 12. Ц. 1½ к. — Майна-Вира (изъ жизни береговъ рабскихъ). Разск. В. Дмитриевой. Стр. 27. Ц. 3 к. — Маленькій грѣшникъ. Разск. Е. Чирикова. Стр. 7. Ц. 1 к. (Всѣ книжки изд. Т-ва "Донская Ручь", въ Ростовѣ-на-Д.)

Въ послѣдніе два-три года нельзя не замѣтить значительнаго сокращенія изданія хорошихъ книжекъ, специально на-

некоторых местах братья
собственного имени. Ока
Ден Ши-хуа кое-что скры
ора, и на пол... искрен
Третьяков не мог рас
Москвы в Китай, Де
он теперь — неизвест
что он мог быть казн
го коммуниста, но мо
дионным гоминдановце
ся в обывательское бо

Третьякова имеет нача
Можно сказать филосо
да нет». Не выдумывать
для отца и конец для
ков сочинял роман, во
е произведение, он, ко
рассказа, — не потому
давать гармоническую
о надо художественно
созданный образ. Одно
ионера, другое дело —
нера. Нельзя же рас
с одним и тем же уни
тем же безразличием.
казывает жизнь Клима
и его детства, и ясно,
ладывается облик рос
рожденного прогнив
ного наследственной
тельности. В этом и за
предшествующим рас
читательную страницу,
о убедительной. А у
страницы и нет, и ста
рассказ к определен
на рассказом Ден Ши
произвести в собран
ый художественный

х страницах полного
попадает в противо
сотнях страниц все
ас к тому, что Ден
ром, коммунистом, —
автор мог получить
детству одного ки
бчика, — а на поверку
в Ден Ши-хуа мы
лима Самгина. Но в
илительный рассказ
шивая идеализация
теллигента.

Третьяков ограничился
ным читателем не
еие, которое Тре
Но и наши ребя
временной полити
но спросят о даль
а Ден Я-пу и его
подробно расска
Третьякова: «не
т. Биограф в уз
т и не знать. Ху
ть. В противном
законный вопрос:
для увлекательно
го героя? «Об
казанием против
й борьбе нельзя

рассказывать с одинаковой любовью и о друге
и о враге. Автор-художник формирует свой ма
териал, не тащится за ним покорно, «добро
му злу внимая равнодушно».

Вот тут и выступает коренное отличие авто
биографического романа Третьякова от авто
биографических очерков «Людей СТЗ». Авторы
этой книги знают своих героев и неслучайно
выбрали именно этих, а не других. Выбор ге
роя имеет решающее значение в очерках это
го рода, и художественный талант сказывается
уже в самом выборе. Надо, чтобы в этом инди
видуальном человеке с максимальной вырази
тельностью даны были черты общего, типично
го. Так оно и есть в отобранных людях СТЗ.
Они — большевики-строители. Через них и в них
показаны сотни тысяч, миллионы. В них пока
зан класс-строитель.

Третьяков не отбирал своего героя, с тем
чтобы показать читателю китайскую револю

цию. Если бы он сочинял, то к типичным чер
там Ден Ши-хуа, мелкобуржуазного интелли
гента, присоединил бы типичные черты других
виденных им интеллигентов, рабочих, крестья
н и так создал бы художественно убедитель
ный образ китайского революционера из интел
лигентов. Но Третьяков ничего не сочинял. Он
добросовестно пересказывал своего героя, и
там, где речь шла о буржуазном быте, о ста
рых обрядах, о семейных отношениях, вышло
все очень убедительно, превосходно, красочно.
А там, где надо было показать превращение
человека в революцию, ничего не вышло, и в
сущности нет не только конца, а нет и нача
ла. Показывает ли Третьяков советским ребя
там китайскую революцию? Да, показывает,
как если бы она происходила сто лет назад, а
не в наше время. Он дает неполное, а поэтому
и не совсем верное представление о револю
ции в Китае, о классовых отношениях в ней.
Что делать, он попал в печальное положение
автора, которому изменили его герои...

МАЛЕНЬКИЕ МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЕ ПРОТЕСТАНТЫ

Евг. Книпович

ТВЕН, Марк.

Приключения Тома Сойера. Перев. с англ. под
ред. К. Чуковского. 5-е изд. — М. ОГИЗ. «Мол.
гвардия». 1933. 214 стр. 2 р. 25 к., перепл.
1 р. 50 к. 20 325 экз.

Средний.

Том Сойер и приятель его Гек Финн занима
ли прочное место среди героев дореволюцион
ной детской литературы. Октябрьскую револю
цию пережили благополучно только герои
очень высокой литературной квалификации.
Если Гулливер и лилипуты, Рыцарь печального
образа и Санчо-Пансо, Робинзон и Пятница
чувствуют себя в советских условиях не менее
уверенно чем в дореволюционное время, то
«маленький лорд», «леди Джен» и им подобные
сникли и безнадежно увяли, как тепличные ра
стения под жарким солнцем.

Как же обстоит дело с Томом Сойером? Ведь
книга Марка Твена — не мировой шедевр, не
памятник человеческого гения, с предельной
глубиной отражающий и выражающий бытие
породившего его класса, — а все-таки книгу из
дают и переиздают советские издательства, кни
гу читают и перечитывают советские ребята.
И, конечно, издательства правы и ребята пра
вы, потому что «Приключения Тома» — жи
вая и здоровая книга, в общем направленная
против тупого и косного общественного укла
да, который стесняет и калечит ребенка.

Правда, в книге Марка Твена нет острой и
суровой сатиры. Общественную и личную
жизнь мелкобуржуазных обитателей маленько
го американского города середины прошлого
века автор описывает в юмористических тонах.
В его изображении она выходит достаточно
глупой и бессмысленной, но не отвратитель
ной и не страшной. Семья, религия, школа —
в равной мере закосневшие в нелепой рутине —
у Марка Твена прежде всего смешны. И осо
бенно они смешны потому, что даются через

восприятие ребенка, по выражению автора, —
«нормального мальчика».

Мы знаем, что «нормального мальчика» вооб
ще, т. е. некоей абстрактной, существующей вне
общества юной особи, — не бывает. Игры,
фантазии, представления, горести и радости
Тома так или иначе связаны с тем узким мир
ком, который его породил. Том — не покорный
сын этого мира, не тихоня, не примерный маль
чик. Он всеми силами пробует вывернуться из
тисков постылого уклада. Но выворачивается
он как мальчик определенной социальной груп
пы. Первое побуждение Тома — ударить из
школы, из церкви, из дома, всеми способами
отвоевать свой особый мальчишечий мир, не
похожий на тот скучный мир, которым всеце
ло завладели взрослые. Том всеми способами
увилькивает от общения со взрослыми. Он очень
активное существо. Но бессмысленный, лице

мерный семейный уклад и схоластическая учо-ба не дают никакого выхода этой активности. Вот почему, совершенно не будучи мечтателем по существу, Том тратит массу потенциальной общественной энергии на мечты и фантазии. На поиски приключений, на авантюры процируются все здоровые и живые силы маленького протестанта. Друг Тома, маленький дюппен Гек, для мира взрослых — отщепенец. Знакомство с ним «приличного мальчика» наказывается со всей строгостью. В мире мальчишечей фантастики Гек — «кровавая рука» — полноправный гражданин, такой же доблестный пират, как и сыновья «порядочных» родителей.

Робин Гуд — идеал Тома.

М. Горький в своем предисловии к «Балладам о Робин Гуде» прекрасно объяснил тот смысл, какой имел образ «честного разбойника» для мелкобуржуазных демократов, протестантов против существующего общественного уклада. Именно Робин Гуд является любимым героем Тома Сойера.

— «Ты знаешь, Гек, Робин Гуда?»

— Нет. Кто такой Робин Гуд?

— Он был одним из самых замечательных людей в Англии и очень хороший человек. Робин Гуд был разбойник.

— Ишь ты, вот бы мне так. Кого же он грабил?

— Только богатых людей. Но бедных никогда не обижал. Бедных он любил и всегда делился с ними по совести.

— Вот, должно быть, славный он был.

— Да, уж именно славный. Другого такого благородного человека и на свете не бывало. Теперь таких людей вовсе нет — уж это ты мне поверь» (стр. 148).

Этот демократизм маленького героя Марка Твена — родное дитя «староамериканского» демократизма самого автора. Взгляд Марка Твена тоже зачастую обращался к тем людям, которых «теперь» вовсе нет, к демократам эпохи великих буржуазных революций.

• Однако как бы Том ни гнал ненавистный мир «старших» в дверь, этот мир фатально возвращается в окно. Так, религия, ненавидимая и гонимая (посещение церкви, воскресная школа, «священное писание» — самые скучные и никчемные для Тома вещи) оборачивается «магией», кучей фантастических и диких обрядов и суеверий, которыми Том обороняется против ведьмы, чертей, покойников, недобрых слов, опасных примет, несчастливых дней и т. д.

Так, уважение к священной собственности, которое Тому не слишком свойственно, оборачивается желанием разбогатеть. Так, бегство из дома — воплощение в жизнь пиратской фантастики — кончается возвращением в роди-

тельское лоно, к тете Полли, которая, хотя и глупа и несносна и связывает героя с ненавистным укладом жизни, но все-таки своя, родная, любящая и любимая. И, наконец, подлинной капитуляцией Тома является то, что он своим авторитетом «разбогатевшего человека» возвращает «порядочному обществу» Гека Финна, который сбежал от взявшей его на воспитание добродетельной вдовы Дуглас.

Книга Марка Твена — образец сюжетного произведения для детей. Все многочисленные и разнообразные приключения героя пронизаны единым стержнем — историей загадочного убийства, совершенного ночью на кладбище, случайными свидетелями которого стали спрятавшиеся за деревьями Том и Гек.

Марк Твен сделал убийцу чистым стопроцентным злодеем, совершающим убийство из низкой мести. Писатель в значительной дозе сдвигает традиционные авантюры Тома и Гека консервативно-буржуазной моралью. Они преследуют и разоблачают преступников, причем самый страшный убийца и грабитель — индеец Джо. Это нужно М. Твену потому, что союз Тома и Гека с властью предрешен, преследующими индейца, не кажется Марку Твену компрометирующим героев, тем более что для успокоения своих «демократических» чувств М. Твен заставляет Джо погибнуть фатально — от несчастного случая, — а не от руки правосудия.

М. Твен не заметил, конечно, противоречивости основного сюжетного звена своей повести. То золото, которое с такой силой подчеркивает преступность индейца Джо и его товарища, как только перешло в руки мальчиков — «очистилось» от «скверны» краснокожего и вознесло на недостижимую высоту Тома и его друга Гека, «отверженного» до тех пор в глазах взрослых. М. Твен снял весь протест своих героев «золотой», счастливой, типично буржуазной концовкой повести, пропагандой мелкобуржуазного идеала «удачи», случайного обогащения.

Том Сойер, конечно, — не наш герой, так же как Марк Твен — не наш детский писатель. Том — мелкобуржуазный ребенок, индивидуалист, «герой»-мечтатель. Но вместе с тем вся история Тома в изображении Марка Твена пронизана здоровым юмором, веселостью и занимательностью. Марк Твен правдиво, хотя и слишком мягко, изображает общественный уклад, который стесняет и калечит ребенка, не дает правильно развиваться заложенным в нем силам и дарованиям. Книга Марка Твена написана правдиво, и из этого большого материала юный советский читатель сделает выводы, более глубокие и более правильные, чем те, которые мог сделать сам Марк Твен.

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ НА АКТУАЛЬНОМ МАТЕРИАЛЕ

Ф. Звондин

СМИРНОВ, Н. Г.

Джек Восьмеркин американец. Повесть в двух частях. Рис. Г. Мавриной. — М. ОГИЗ. «Мол. гвардия». 1933. 431 стр. 6 р., перепл. 50 к.

Средний. Старший.

Смирнов развивает интересную тему: невозможность в советских условиях выгодно ве-

сти — если вести его без мошенничества и эксплуатации — единоличное хозяйство. Из этой темы закономерно вытекает и вывод: выгоду ведения коллективного хозяйства, его преимущества. Автор усложнил тему введением в нее персонажей, необходимых для развития сюжета, но отнюдь не характерных для самого материала.

Прав ли он
Ответить не
лечь основы

Нам кажется
могут обвиня
ных перспект
вести о колл
ного крестьян
ной и замыс.

Действитель
почему он а
«американизир
тору?

Постарайтесь

Для того ч
ведения заур
(а ведь как р
лективизации)
зайство обра:
разом, из ряд

Но где сыс
ное хозяйство
единоличным,
был привлека
тому же чтоб
по возрасту 6

Тут Смирно
тательности) п
американца —
ного мещанин
работающего и

И вот, амер
питанный соб
к нам — пере

Из истории
увлекательней
не гражданск
ный сюжет.

В 1918 г. гру
их детей из 1

к Детской и ю

1933 № 4

Ты еще в повязке,
А уже хватаешься за работу.
Город хочет жить,
Хватайся» (112).

У Бехера существует также разрыв между прославлением социалистических форм жизни — наших столовых, яслей — и указанием на бюрократизм, невежество, недостатки нашей жизни, грязь, тесноту. Именно потому, что эти две стороны жизни у Бехера оторваны одна от другой, местами получается торжественная аллюзия, с одной стороны, и пессимизм — с другой.

Со схематичным, недialeктическим отображением нашей строящейся жизни связано и непонимание Бехером процесса коллективизации в деревне. По Бехеру, только трактор убеждает крестьянина перейти к коллективному хозяйству. Также неправильно показана классовая борьба в нашей стране.

Односторонность Бехера, выхолащивание классовой борьбы сказываются и в обрисовке отдельных фигур. Белогвардеец-шофер, разочарован в жизни. Он участвует в антисоветской демократии у могилы неизвестного солдата, но классово не раскрыт, а остается просто в смутном неведении и меланхолических размышлениях.

Зарисовка Рамзина Бехером тоже схематична, неправильна. По Бехеру, Рамзин до своего падения был чуть ли не честнейшим специалистом. Старые специалисты у Бехера — единое целое, однородный слой, который ждет после процесса своей гибели из-за непригодности. Фашист у Бехера только погромщик и убийца. Политическая сущность фашизма автором не

раскрыта, и таким образом, стушевываются политическая роль и опасность фашизма.

Грандиозностью задачи, взятой автором, обусловлены поиски новой формы, в которую можно было бы облечь широкое полотно. Бехер ищет сочетания разных элементов построения. Он дает выступления хора социалистического строительства города Днепростроя, Тракторостроя, коммуны «Интернационал». Но механистичность сказалась и в самом построении произведения. Выступления больших коллективов в эпосе Бехера недостаточно живы, и сама эта форма недостаточно обоснована, не воспринимается как органическое целое. Такую же неровность мы наблюдаем в языке Бехера. Декламационный пафос общих выступлений не вяжется с нарочитой сухостью языка в главах о конкретных участках социалистической стройки. В изображении же классового врага — белогвардейца и Рамзина — Бехер смягчает свой язык нотками лиризма и психологической очерченности.

Творческий рост Бехера должен пойти по линии углубления своего миропонимания, действительного овладения методом диалектического материализма для осуществления тех больших задач, которые так смело ставит перед собой автор.

Борьба Бехера вместе с революционным пролетариатом Германии, его роль в организации мировой пролетарской литературы, его твердая воля и искреннее желание работать над углублением своего миропонимания — гарантия того, что Бехер преодолет трудности и недостатки нового этапа своего творчества, революционная и большевистская направленность которого у Бехера бесспорна.

С Томом Сойером пионеру не по пути

МАРК ТВЕН. — Приключения Тома Сойера. Изд. 4-е, «Молодая гвардия», М.-Л., 1931 г., 328 стр. Тир. 20.000, ц. 1 р. 55 к.

Четвертое издание знаменитых «приключений Тома», вышедшее в 1931 г., не дает абсолютно ничего нового по сравнению с предыдущим изданием. Редакция очевидно считает эту книгу непогрешимой в ее предыдущих, преподнесенных советскому читателю изданиях. Между тем внимательный просмотр ее с точки зрения задач коммунистического воспитания подрастающего поколения социализма заставляет не только усомниться в целесообразности такого преподнесения «Тома Сойера», но и со всей определенностью ставит вопрос о необхо-

димости, решительной борьбы с проявлением гнилого либерализма в подходе к буржуазной детской литературе.

В самом деле, почему, ведя суровую борьбу с детективными настроениями в советской детской книжке, мы должны спокойно проходить мимо этих же элементов в повести Марка Твена? Тут и клады, и пещеры, и убийства. Отсутствуют только сыщики, впрочем их роль успешно выполняется героями повести. Какие эмоции, кроме желания самим пережить нечто подобное, восхищения перед ловкостью, наход-

чивостью Тома нуть у некоторо на всякого рода сации? Тем бол ются успешным (1) Джо наказ относительно) От 12.000 долл: великолепии кр захватывает ду: так восторженн книжки «красив обходительная ме — не дом, а в городе! прит где устраивали (стр. 36). Стои той, праздно и шеств жизни сс тарскими идеал рых мы должн строителей соци Правда, кое скользят местам ная, беззубая и нает о городско полезных вещей лова», стр. 36), рутся «приличн ществу ворчлив мыслен» мелког настроений котс нью не подним строя, основанн собственности. И и недоволен гор плохо гаранти мелкий буржуа происходит дей бойничает все 1 пожалел красок вителя «нижней «проклятого мет тельно вызывае ние. В отличие представителей Твена кровожад сейчас, когда су, давнего «просто достигла, по ув небывалого рас ребят таким мат каких — примечан

Нельзя забыть образы запечатл очень крепко и дейна может пр обобщениям и

Буржуазная ш приглядно. Но к: с ненавистной ш де стаскивания п все, чему может значит конечно, ный галстук и 1 но противопоста му «бунтарству» борьбу с буржу: меры которой н боты зарубежно пионерии, — этс ция. Ведь наине манчивое описан

Л. Г.

м. Книга и пролетарская революция

1932 № 2-3

штушечиваются по-
в фашизма.

взятой автором,
формы, в которую
широкое полотно
ных элементов по-
ния хора социали-
рода Днепростроя,
нтернационал». Но
в самом построении
больших кол-
остаточно живен-
точно обоснована,
ическое целое. Та-
блюдаем в языке
фос общих высту-
ой сухостью языка
гках социалистиче-
на же классового
ина—Бехер смягча-
ма и психологиче-

мужен пойти по ли-
понимания, дейст-
ом диалектическо-
ствления тех боль-
о ставит перед со-

волюционным про-
оль в организации
ратуры, его твер-
е работать над
имания — гарантия
трудности и недо-
творчества, рево-
ция направленность
.

Л. Г.

4-е, «Молодая

ы с проявлением
оде к буржуазной

я суровую борьбу
и в советской дет-
окойно проходить
и повести Марка
ы, и убийства. От-
впрочем их роль
ли повести. Какие
м пережить нечто
ловкостью, наход-

чивостью Тома и его друга Гека, могут возник-
нуть у некоторой части наших ребят, падкой
на всякого рода приключения, авантурные сен-
сации? Тем более, что все эти «подвиги» венча-
ются успешным концом: порок в лице индейца
(1) Джо наказывается, а добродетель (весьма
относительная) юных героев вознаграждается...
От 12.000 долларов «чистого золота», во всем
великолепии красок преподнесенных автором,
захватывает дух у юного читателя. Недаром
так восторженно описывается в других местах
книжки «красивая, нарядная, добрая, щедрая и
обходительная вдова Дуглас», ее дом на хол-
ме — не дом, а дворец, — единственный дворец
в городе! притом же «гостеприимный дворец,
где устраивались самые роскошные праздники»
(стр. 36). Стоит ли говорить, что эти идеалы сы-
той, праздной и щедрой от безделья и изли-
шеств жизни совершенно не вяжутся с проле-
тарскими идеалами и устремлениями, в кото-
рых мы должны воспитывать подрастающих
строителей социализма.

Правда, кое-какие «социальные» мотивы
скользят местами в книжке: это та добродуш-
ная, беззубая ирония, с которой автор упоми-
нает о городском голоде («в числе прочих бес-
полезных вещей, в городке был и городской го-
лова», стр. 36), это те кавычки, в которые бер-
утся «приличные дома» (стр. 48). Это по су-
ществу ворчливое недовольство и «свободо-
мыслие» мелкого буржуа, ярким выразителем
настроений которого и был Марк Твен. Он от-
нюдь не поднимает голоса против социального
строга, основанного на эксплуатации, на частной
собственности. Как раз наоборот — он потому
и недоволен городским голодом, что последний
плохо гарантирует спокойное благоденствие
мелких буржуа — обитателей Питтсборо, где
происходит действие и где безнаказанно раз-
бойничает все тот же индеец Джо. Автор не
пожалел красок, чтобы единственного представ-
ителя «низшей», угнетенной расы в книжке,
«проклятого метиса» Джо изобразить действи-
тельно вызывающим только ужас и отвраще-
ние. В отличие от гуманных, не кровожадных
представителей белой расы, индейцы у Марка
Твена кровожадны и мстительны. Особенно
сейчас, когда суд Линча процветает в стране не-
давнего «просперити», в которой «цивилизация»
достигла, по уверению буржуазных идеологов,
небывалого расцвета, пичкать мозги советских
ребят таким материалом, не давая при этом ни-
каких примечаний, политически недопустимо.

Нельзя забывать того, что художественные
образы запечатлеваются в детском сознании
очень крепко и тип такого кровожадного ин-
дейца может привести к самым нежелательным
обобщениям и выводам.

Буржуазная школа нарисована довольно не-
приглядно. Но как борются Том и его товарищи
с ненавистной школой? Проказы, шалости, вро-
де стаскивания парика с лысины учителя — вот
все, чему может научиться читатель. Это не
значит конечно, что нужно одеть на Тома крас-
ный галстук и тем самым «осовременить» его,
но противопоставить в том или ином виде это-
му «бунтарству» действенную революционную
борьбу с буржуазной школой, отдельные при-
меры которой нетрудно найти в практике ра-
боты зарубежной, в том числе и американской
пионерии, — это должна была сделать редак-
ция. Ведь наименее устойчивых ребят это за-
манчивое описание богатого опыта ловкой джи

и всяческих проказ Тома и его друзей может
натолкнуть на перенесение в свою жизнь, в со-
ветскую школу этих проделок, направить их
энергию, изобретательность и находчивость по
этому руслу. Редакции детских изданий должны
сделать все выводы из имевшего место в одной
из московских школ факта, где ребята, начи-
тавшие книг о гражданской войне в Китае, о
«красных пиках» и т. п., в которых моменты
авантюрного порядка являлись преобладаю-
щими, создали организацию «ловких» ребят
с установками, отнюдь не созвучными принци-
пам коммунистического воспитания. Редакции
детских изданий не могут не помнить того,
что у ребят книга интересная, талантливая
всегда служит своеобразной зарядкой к дей-
ствию. Этот положительный момент надо
уметь использовать в нужном для нас напри-
влении. Это вовсе не значит, что «Тома Сойера»
нужно изгнать из обихода советского чита-
теля. Но необходимо подать его в соответ-
ствующей обработке, с примечаниями и ком-
ментариями, написанными не сухо и дидактиче-
ски, а выявляющими на конкретных живых при-
мерах все несоответствие вышеотмеченных идей
книжки нашей советской действительности и иде-
ологии. Вряд ли это будет менее интересно, по-
лезно и доступно ребятам, чем например фило-
софские, отдающие весьма подозрительным
душком рассуждения о капле, падающей в уг-
лубление камня. «Эта капля падала уже в то
время, когда еще только строились пирамиды,
когда пала Троя, когда было положено осно-
вание Риму, когда Колумб плыл открывать Аме-
рику. Она падает и теперь и будет падать, ко-
гда все мы потонем во мгле преданий и будем
поглощены густым мраком забвения. Неужели
же все имеет свою цель и назначение?»
(стр. 302). Эпизод с кражей трупов доктором
на кладбище естественно может быть понят ре-
бятами совершенно превратно. Они могут и
не знать, что без использования трупов невоз-
можно развитие медицины. И медицина и
естествознание неопровержимо доказывают в
своих выводах реакционность религии. Имен-
но потому мракобесы всех мастей во все
времена препятствовали и препятствуют раз-
витию подлинной науки. И если раньше это вы-
ражалось в запрещении вскрывать трупы, то
теперь, в период загнивания капитализма и
буржуазной науки, по сути дела то же мрако-
бесие организует «обезьяньи процессы».

Ставшие классическими детские книги вроде
«Тома Сойера» должны быть знакомы советско-
му читателю, но преподносить их надо по прин-
ципу построения у нас задуманной по инициа-
тиве Горького «Истории молодого человека». Читателю надо помочь правильно классово пре-
ломить и критически усвоить литературных ге-
роев классической буржуазной литературы. Надо показать, что из этих самых «Томов» рос-
ли и по сей день растут стопроцентные янки,
ловкие, настойчивые, расчетливо идущие к
своей цели — добиться хорошего местечка под
солнцем, своего права на выжимание в том или
ином виде прибавочной стоимости. Из этих са-
мых «Томов» выросли в настоящем ярые за-
щитники частной собственности, враги комму-
нистического движения, прочный оплот Ку-
Клукс-Клана, организаторы и руководители
линчевания негров. Из них же растут ярые
враги Советского союза, мечтающие и все-

чески способствующие интервенции. Все это нужно и можно показать.

Издательству «Молодая гвардия» надо специально проработать проблему оформления комментариев ко всем издаваемым им классикам детской литературы. Обычное предисловие тут может оказаться несостоятельным (оно не всегда достигает цели и в книжках для взрослых, особенно малоподготовленных читателей). В детских книжках комментариев надо органически переплести с текстом, сделав это например в полужелтый тонной форме или в форме рассказа, разговора, вилетённого между главами, все время будирующего внимание, мысль

читателя в определенном, нужном нам направлении. К этой работе должны быть привлечены лучшие наши детские писатели и художники.

В итоге нельзя не констатировать, что с реализацией лозунга о критическом усвоении классического наследия издательство «Молодая гвардия» непростительно запаздывает.

Между тем задачи коммунистического воспитания подрастающего поколения настоятельно требуют постановки перед издательством детской и юношеской литературы, каковым является «Молодая гвардия», во всей остроте проблемы критической обработки классической детской литературы.

Из литературы о Гете

В настоящем перечне указаны главнейшие из критических суждений о Гете. Это прежде всего основные высказывания о нем основоположников научного социализма—Маркса, Энгельса, Ленина. Затем следует перечисление наиболее интересных из юбилейных статей о Гете, появившихся в нашей прессе к 100-летию со дня смерти великого немецкого поэта.

I. МАРКС, ЭНГЕЛЬС, ЛЕНИН О ГЕТЕ

Маркс К. «Дебаты шестого рейнского ландтага». Статья первая. «Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов собрания земских сословий». Сочинения, т. I.

На стр. 142.

Все высказывания Маркса и Энгельса, приводимые в настоящем перечне, указываются по изданию «К. Маркс и Ф. Энгельс». Сочинения М.—Л., ГИЗ, 1928—1932 гг.

Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции. Сочинения, т. I.

На стр. 112.

Письмо К. Маркса к Руге от мая 1843 г. из Кельна. Сочинения, т. I.

На стр. 353.

Маркс К. и Энгельс Ф. «Святое семейство, или критика «критической критики». Против Бруно Бауэра и К^о». Сочинения, т. III.

В разделе VIII (написанном Марксом единолично), гл. II, на стр. 207—208.

Письмо К. Маркса к Ф. Энгельсу от 3 мая 1854 г. из Лондона. Сочинения, т. XXII.

На стр. 29.

Письмо К. Маркса к Ф. Энгельсу от 7 января 1858 г. Сочинения, т. XXII.

На стр. 288.

Письмо К. Маркса к Ф. Энгельсу от 27 февраля 1861 г. Сочинения, т. XXIII.

На стр. 15.

Письмо К. Маркса к Ф. Энгельсу от 20 января 1864 г. из Зальт-Боммеля (Голландия). Сочинения, т. XXIII.

На стр. 173.

Письмо К. Маркса к Ф. Энгельсу от 19 октября 1867 г. Сочинения, т. XXIII.

На стр. 460.

Письмо Ф. Энгельса к братьям Фридриху и Вильгельму Греберам от 17 сентября 1838 г. Сочинения, т. II.

На стр. 476.

Письмо Ф. Энгельса к Фридриху Греберу от 20 января 1893 г. из Бремена. Сочинения, т. II.

На стр. 484 и 485.

Письмо Ф. Энгельса к Фридриху Греберу от 8 апреля 1839 г. Сочинения, т. II.

На стр. 430 и 491.

Письмо Ф. Энгельса к Фридриху Греберу от 27 апреля и 1 мая 1839 г. Сочинения, т. II.

На стр. 495 и 499.

Письмо Ф. Энгельса к Вильгельму Греберу от 29 апреля 1839 г. Сочинения, т. II.

На стр. 507.

Энгельс Ф. Письма из Вуппертала. Сочинения, т. II.

В «письме» втором, на стр. 15 и 20.

Письмо Ф. Энгельса к Вильгельму Греберу от 24 мая 1839 г. Сочинения, т. II.

На стр. 509 и 510.

Письмо Ф. Энгельса к Вильгельму Греберу от 30 июля 1839 г. из Бремена. Сочинения, т. II.

На стр. 525, 528 и 529.

Письмо Ф. Энгельса к Вильгельму Греберу от 8 октября 1839 г. Сочинения, т. II.

На стр. 531 и 532.

Энгельс Ф. «Немецкие народные книги». Сочинения, т. II.

На стр. 29.

Энгельс Ф. «Карл Бек». Сочинения, т. II.

На стр. 37.

Энгельс Ф. «Платон». Сочинения, т. II.

На стр. 46.

Энгельс Ф. «Воспоминания Иммермана». Сочинения, т. II.

На стр. 82.

Энгельс Ф. «Положение Англии». Сочинения, т. II.

В статье первой на стр. 337, 340 и 345.

Энгельс Ф. Сочинения, т. V.

В письме на стр. 7.

Письмо Ф. Э. 15 января 1847 г.

На стр. 63-Грюна).

Энгельс Ф. «Хах и прозе».

Глава II (стр. разбор книги чешской точки з).

Письмо К. 16 июня 1860 г.

На стр. 51.

Энгельс Ф. т. XIV.

В отделе п стр. 95 и гл. XI) отделе третьем ср. стр. 382.

Энгельс Ф. Сочинения, т. XIV.

На стр. 395.

Энгельс Ф. Сочинения, т. XIV.

На стр. 637.

Маркс К. и Рор Геккер и «Иния, т. VI.

На стр. 486.

Маркс К. и ский общий пла

На стр. 307.

Маркс К. книгу Г. Фр. Д. чинения, т. VII.

На стр. 265.

Маркс К. и дычество в Инд

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДЕТЕЙ
 СРЕДНЕГО, СТАРШЕГО ВОЗРАСТОВ И ЮНОШЕСТВА**

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОГО ЛЮМПЕНА

Е. Книпович

ТВЕН, Марк. Приключения Гекльберри Финна. Перев. с англ. под ред. К. Чуковского. — М. «Мол. гвардия». 1933. 252 стр. 3 р., перепл. 80 к. 75 325 экз.

Средний и старший

Советские ребята недавно должны были вспомнить Тома Сойера и Гека Финна, так как «Приключения Тома» были переизданы «Молодой гвардией». Новые приключения маленьких героев Марка Твена еще больше порадуют наших ребят не только потому, что «Приключения Гекльберри Финна» еще занятнее и разнообразнее, но и потому, что самый сюжет книги и его разработка будут им ближе чем сюжет «Приключений Тома Сойера». Во второй книжке Марка Твена ведущим является маленький люмпенпролетарий Гек. Несмотря на все его анархические склонности, суеверия, предрассудки, в нем еще сильны здоровые демократические инстинкты и та чудесная плебейская прямолинейность разума, которая делает его опасным критиком чуждых ему идей и понятий. Правда, критика Гека строго ограничена рамками «староамериканского» демократизма Марка Твена. Гек чудесно, с помощью своего «здорового смысла» критикует официальную религию. Он решительно не хочет интересоваться Моисеем, раз тот все равно уже давно умер. И, когда старая дева, занимающаяся его религиозным воспитанием, начинает рассказывать ему про пекло, он решительно заявляет, что непременно бы попасть туда. Райская жизнь не по вкусу Геку. Во-первых, в рай попадут только люди вроде его воспитательницы; во-вторых, там «только и дела у праведников, что слоняться по небу с арфами и петь без конца свои песни. Подумаешь, какое удовольствие!» (стр. 6). Тот же здоровый демократический инстинкт убеждает Гека в том, что негр — черный человек, которого можно продать, как вещь, по пониманию буржуазии, — такой же человек, как белый. И это убеждение приводит его к крепкой дружбе с беглым негром Джимом.

Но Гек не думает о том, что честный судья Тэчер, ласковая вдова Дуглас, добрый фермер Фелпс — все люди, которые обрисованы им (и Марком Твеном) как очень привлекательные, — владеют черным товаром, и вся их добродетель по отношению к неграм проявляется

в том, что они не обращаются с неграми жестоко и не продают их в розницу. Если в критике своей Гек посягает на религию, то он не посягает на систему рабства. И если бы злобная мисс Ватсон (та самая, которая проповедывала про ад и рай) не грозила продать Джима без его семьи в отдаленные штаты, а относилась бы к нему со снисходительной патриархальностью, вряд ли бы Гек принял в беглом негре такое горячее участие.

Вообще все зло в приключениях Финна, так же как и в приключениях Тома, происходит от «злых людей», что сильно смягчает все углы. Так, смягчена, например, тема защиты собственности, богатства. Прямым защитником собственности и закона Гек выступает только

ж. Детская и юношеская литература

1934 № 2

однажды и то при совсем особых условиях — когда он защищает имущество беззащитных сирот от покушения «злых людей», злостных мошенников.

Зато со всей силой обрушивается критический разум Гека на те установления, к которым безо всякой двойственности относится сам Марк Твэн, например на королевскую власть и дворянство.

В своих скитаниях негр Джим, бежавший от злой хозяйки, и Гек, бежавший от пропойцы и негодяя отца, встречаются с двумя жуликами, из которых старший выдает себя за короля — сына Людовика XVI, а младший за герцога Сомерсетского. У Джима несколько романтизированное представление о знати, но Гек, немного знакомый с историей и сделавший, со свойственной ему прямолинейностью, «обобщающие» выводы, разоблачает иллюзии Джима. «Тебя не удивляет, Гек, что короли поступают как жулики? — спросил меня Джим. — Нет, — ответил я, — нисколько! Все они такие: что ни король, то жулик. — Неужто так? — Правду тебе говорю. Вот, например, Генрих Восьмой. Каждый день он брал себе новую жену, а на утро отрубал ей голову. И хоть бы бровью повел... Ты не знаешь королей, Джим, я их отлично знаю... Честных королей вообще не бывает. Если ты зазеваешься и оставишь свои деньги без присмотра, будь уверен, что король прикарманит их. Если ты заплатишь ему вперед за работу, да не станешь приглядывать за ним, он обжулит тебя и тут. Рот он открывает лишь затем, чтобы выругаться или солгать. И, поверь мне, будь у нас на плоту не этот король, а другой, нам еще горше пришлось бы... — Но неужели, Гек, от каждого короля так же несет водкой, как от нашего? — Да, Джим, трезвых королей не бывает. Почитай-ка историю, увидишь. — Но герцог как будто больше похож на человека? — Пожалуй, впрочем далеко не всегда. Когда он пьян, он совсем как король» (стр. 132).

К самым веселым и поучительным страницам «Приключений Гекльберри Финна» относятся те, где плебейский здравый смысл Гека вступает в конфликт с романтизмом Тома Сойера. У Тома, мальчика из «порядочной» семьи, не знавшего настоящих жизненных невзгод, много потенциальной энергии уходит на мечты и фантазии.

Особенно забавно это столкновение «установок» Тома и Гека в истории освобождения пойманного Джима.

Жулик-«король», который вместе с герцогом обманывал честных фермеров и горожан шарлатанскими штуками, затем мошеннически пробовал присвоить наследство сирот (в чем, как уже было сказано выше, ему помешал Гек), кончает свою деятельность на страницах книги тем, что за сорок долларов выдает беглого Джима. Ферма, где сидит пойманный Джим, принадлежит родственнику Тома Сойера. После различных перипетий мальчики там утверждаются (Гек выдает себя за Тома, а Том за своего брата Сиду), и тут начинается пародийно-романтическая история освобождения узника. Гек в этом деле все время аргументирует ст здравого смысла. Том действует по традиции разбойничьих и исторически-приключенческих романов. Но постепенно Гека начинает увлекать «феодалная» культура планов Тома, и ни один живой человек, начиная с десятилетнего возраста, не сможет читать без увлечения и смеха те страницы, где Джим, согласно традициям пленных принцев и графов, заключенных в башне, выращивает в своей хибарке (дверь ее держится на одном ремешке) цветы, которые он поливает своими слезами, не сможет без смеха слышать, как Том и Гек тащат узнику крыс, змей, пауков — без них темница не в темницу, — как Джим приручает гадов музыкой, как мальчики переправляют ему запеченную в пирог лестницу (в которой нет никакой надобности) и т. д. Конеч, разумеется, благополучный. Том и Гек не были «правонарушителями», и на ответственность они не посягнули. Когда мальчики освобождали Джима, он уже не был ничьей собственностью — раскаявшаяся хозяйка освободила его. Надо отметить, что Гек об этом не знал и не знал и Том. «Правонарушительство» Том же освобождал Джима, чтобы дать пищу обуревавшей его жажде романтического. — он знал, что Джим уже свободный человек. В подлиннике Марк Твэн даже намекает на то, что Том вряд ли бы принял участие в освобождении, если бы не знал, что Джим уже никому не принадлежит.

Эту подробность редактор перевода опустил, не желая компрометировать Тома в глазах советских читателей.

Это несколько притупляет то противопоставление Тома и Гека, которое проводится Марком Твэном, но эта мелочь, конечно, не портит хороший перевод этой классической детской книги.

процесса С. В. Иванов: ская роль гции, не отгпоказывая революций, его не дифнии, во-вто: отражая ссруководящ

С этим нидержания: ли характе: ные особеи человеке ботсюда эрованность, хющая предо стихийно

Поэтому юношества чей, так каципиального ботке в осеще в 1922 те недостапонимания или же сдлюции В. С.] дать в суп

Автор в чи максима текста. Из ческого хаи вставок: ботку воше но спорит его произв ки «Броне: раз'яснения вводится в должно спс воспитаник значение I вает комму ослабить э: ко не в по лежала на гражданск была бы о раз'яснил (жения, был могло бы и

НЕБРЕЖНОЕ ИЗДАНИЕ ТАЛАНТЛИВОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Л. Тимофеев

ИВАНОВ, Вс. Бронепоезд № 14-69. Повесть переработана автором для юношества. — М. ОГИЗ. «Мол. гвардия». 1933. 108 стр. 70 к., перепл. 30 к.

Подростки и юношество.

Общеизвестно значение рассказов Вс. Иванова, посвященных гражданской войне и героической борьбе сибирских партизан. Они прочно вошли в основной инвентарь советской литературы, ярко отразив ряд эпизодов гражданской войны, борьбу с белыми и интервентами, героизм партизан. Очевидно большое познава-

тельное и воспитательное значение этих произведений, в особенности для молодого поколения. Поэтому вполне оправдано издание «Бронепоезда» в переработке его автором для юношества.

Общеизвестны в то же время и те существенные недочеты в отражении революционного движения, которые характеризовали ранний период творчества Вс. Иванова. Они заключались в большой ограниченности его реализма: Вс. Иванов с большой художественной силой и убедительностью рисовал отдельные эпизоды гражданской войны, но не умел дать их в определенной перспективе, не показывал их в связи с основным содержанием исторического

ЗАМКН

ГАРИН-МИХАИЛ. Из сер. «Мол. гвард экз.

Средний

Гарин, в среды, сто передовой прикасаясь в к

брошены длинноты и религиозные рассуждения Робинзона.

Но в нашей русской литературе мы имеем большое количество сокращенных и переработанных произведений, перешедших от взрослых к детям: «Муму» Тургенева, «Дети подземелья» Короленко, «Детство» Горького и т. д. Вопрос этот имеет большое принципиальное значение и не раз обсуждался в педагогической печати (см. мою статью в № 1—2 «Русский язык и литература» 1934 г.). От переработок мы не отказываемся, но требуем хороших переработок.

III

М. Твэн — старый любимец многих читателей. В образе маленького героя Тома Сойера чрезвычайно много увлекательного, но с нашей современной точки зрения не меньше и спорного. Том Сойер нарушает благолепие церковной службы, вносит беспорядок в режим схоластической школы, в режим семейного буржуазного порядка — все это делается автором с громадным талантом, изобретательно и остроумно.

Книга представляет собой острое соединение обыденности и необычного. Домашняя обстановка Тома, история с покраской забора, лечение кота болеутоляющим средством — все типичные для мальчика проделки и игры — и рядом ночь на кладбище, убийство, суд — все это достаточно романтично. Обычный мальчик из мелкобуржуазной среды — в необычной обстановке. Но искусство М. Твэна в том, что его нигде не оставляет юмор. Язык героя, Тома Сойера, бесподобен. М. Твэн был одним из первых писателей, который ввел в литературу этот живой и остроумный детский диалог.

Том и Финн идут рыть клад, но первоначально они делятся друг с другом своими мечтами.

«— Слушай-ка, Гэк, если мы найдем здесь сокровище, что ты сделаешь со своей половиной?»

— Я? Я буду каждый день есть пряники и пить содовую воду, а когда придет цирк, буду каждый день ходить в цирк. Уж я сумею весело прожить!.. А что ты сделаешь со своей долей, Том?

— Я куплю новый барабан, надежную саблю, красный галстук, бульдога-щенка и женюсь.

— Женишься?

— Ну, да.

Роман написан американским автором в 1875 г. и выражает протест прогрессивной части мелкой буржуазии против всех пережитков застоя и косности. Но во имя чего ведется эта борьба? Та же повесть утверждает буржуазную мораль и буржуазный правопорядок своим отношением к индейцу Джо, по мнению Твэна, несправедливого и страшному преступнику в силу его расовых свойств; тот же Том видит высшее свое торжество в находке золота, собранного, кстати сказать, грабежом и разбоем; тот же мальчик-герой постоянно силой обстоятельств ставится в центр внимания всего города: его остроумные проделки, талантливая находчивость и смелость дают ему возможность раскрыть преступление, спасти от опасности товарища и приятельницу-девочку, явиться в церковь в тот момент, когда по нем собираются совершать заупокойную службу, и т. д. Одним словом, перед нами хвастливое самоутверждение личности, анархические замашки, игра на эффектах

и авантюрах — буржуазные качества, к которым мы относимся весьма критически.

«Том Сойер» принадлежит к числу тех книг, которые должны быть пройдены дискуссионно и в аудитории педтехникумов и в детской библиотеке; и если это мероприятие касается данных книг, то здесь широкий разбор особенно необходим. Инструктируя студентов на проведение подобной работы с детьми, мы почти бы рядом с «Томом Сойером» поставили «Дальние страны» Гайдара. Его герои — ребята небольшого железнодорожного раз'езда — знают и не знают, что делать, мечтают о дальних странах.

Такова же мечта тоже скучающих американских мальчиков, но Том и Финн не находят ничего лучшего, как играть в разбойников: наша современная действительность предоставляет детям огромное поле деятельности. «Дальние страны» подступают к раз'езду начинается стройка; серьезные и большие события вовлекают ребят в свой круг, повесть Гайдара увлекательно развертывается перед маленьким читателем реалистические картины нашей советской действительности. Противопоставление этой действительности анархическому индивидуализму Тома Сойера может дать ребятам хотя бы 5-го класса; это будет очень интересно и важно в воспитательном смысле.

Последняя из взятых нами книг — «Маугли» Киплинга. А. Тарасенков («Детская и юношеская литература» № 3 за 1934 г.) пишет: «Мы знаем Киплинга — певца колониальных выступлений, поэта королевской солдатчины, апологета звериного рыла великобританского империализма. Киплинг — наиболее яркая фигура всей империалистической литературы западного мира». Киплинг родился в Индии, и он в своих произведениях поэтизирует эту колонию, кладет ее к ногам великой Британской империи. «Маугли» — гимн сильному человеку, победителю покорителю джунглей. В «Робинзоне Крузо» же человеческая воля и мощь утверждаются упорной и длительной работой; Робинзон сперва чернорабочий, скотовод, земледельец, охотник, а потом губернатор острова. В человеческом детеныше Маугли благодаря его уму все звери признают очень быстро царя природы, он побеждает тигра, он пользуется рабскими услугами пантеры, ему покорны медведь, и змея, и коршун.

В одном из многочисленных эпизодов Маугли расправляется со своими врагами с помощью горящей ветки. Он подходит к тигру Шер-Хану: «Уши Шер-Хана плотно прижались к голове, и он закрыл глаза, так как пылающий сук был уже очень близко. — Этот скорый похвалается, что убьет меня на Совете, если не убил, когда я был ребенком. Но вот каковы люди, обходимся с собаками. Шевель только ушами, Лэнгри, и я проткну твою голову красным цветком. Маугли бил Шер-Хана веткой по голове, а тигр визжал и стонал смертельным ужасом».

Власть человека, владыки джунглей, беспредельна. Поэт империализма, Киплинг в своей книге воспитывает будущего завоевателя колоний, офицера или судью, которые будут работать над порабощением «дикаря» английскому капиталу.

Сопоставление «Робинзона» дает несколько очень интересных материалов для характеристики буржуазной идеологии на примере.

Однако, если творческая жизнь — здоровый воспитательный процесс, то что же даст нашим империалистические тенденции нашим ребятам, и дети все равно нечто другое. Во-первых, животные: пантеры, обезьяны, слона, змеи. Возьмут обиденья, по-своему осмысливая отношения с жизнью природы. Можно провести разъяснительную работу маленькому читателю.

Раздел русской детской литературы педтехникума мы разделили на следующие номера журналов: описания подробнее на материалы, на вопросы о том, как вести учителей к работе с детьми.

РЕ

Научиться рассказывать детям. Надо знать детей и любить их. Надо выбирать им вещь по вкусу и по силам и по сердцу. Надо готовить. Надо рассказывать. Рассказывая, надо не бояться, что при соблюдении правил провал невозможен. И страшный враг начинающего. И тогда вы убедитесь, что это не так трудно.

Мы говорим, конечно, о рассказчике-любителе. Чаще и о той или иной квалификации: оратор, вожатый. У такой аудитории — большей частью — всегда знакомая, связанная дисциплина, доверия, серьезное дело. Работа рассказчика приходится иметь дело с большими, иногда дезорганизованными аудиториями. К ним совсем иные требования: ответственности исполнения, ответственности. Он должен уметь в короткий срок, он должен уметь в короткие акустические условия. Он должен успеть завоевать ребят. Чала рассказа у него не было знакомства.

На пути рассказчиков — в стационарной аудитории — все основное: что рассказывать?

авг. ссбз 1938 м/г

ния ни для стариков, ни для детей... Школы и больницы превращены в миссии. Это не война между бойцами — это убийство... Этому нельзя найти никакого оправдания. Мир должен прекратиться это. Где совесть мира?»

Американская реакционная печать и различные реакционные организации подняли кампанию против этого фильма, вдохновляющего на борьбу в защиту республиканской Испании, требуя его запрещения, как произведения, якобы преследующего цели «военной пропаганды».

«Том Сойер» и американская цензура

Характерны для требований, предъявляемых американской цензурой к киноискусству, те трудности и ограничения, на которые натолкнулся американский режиссер Норман Таурог при постановке фильма «Том Сойер» по произведению одноименной повести Марка Твена «Том Сойер».

«Том Сойер» пользуется в США такой же популярностью, как «Давид Коперфильд» Диккенса в Англии, и содержание его хорошо знакомо самым широким массам. Несмотря на это, цензура потребовала, чтобы целый ряд наиболее известных и ярких эпизодов повести не был воспроизведен на экране. Запрещению подверглась сцена купания Тома Сойера с негрятенком под предлогом, что это может шокировать зрителей южных штатов, и сцена купания Тома (одинадцатилетнего мальчика) с товарищами такого же возраста, так как это может вызвать протест «Лиги в защиту благочестивости». Не разрешен был даже предложенный режиссером вариант, показывающий купающихся ребят спиной к зрителям. Запрещено воспроизводить комические сцены, разыгрывающиеся в церкви, так как этого не потерпит английская публика. Изъяты кадры, изображающие скандалы негров и пьяных людей, так как это может оскорбить моральное чувство зрителей. В угоду ханжеской цензуре Норману Таурогу пришлось всячески изменять, сокращать и искажать произведение Марка Твена.

Роль Тома Сойера в фильме мастерски исполняет юный артист Том Келли, которого режиссеру удалось отыскать среди детворы в одном из бедных кварталов Нью-Йорка.

«Роте фане» о фильме «Петр I»

«Этот фильм как с исторической стороны, так и с технической стороны — шедевр советского киноискусства» — пишет пражская газета «Роте фане» о демонстрируемом в Чехословакии фильме «Петр Первый». — «Фильм мастерски изображает борьбу Петра Великого против дворцовых интриг, против реакционеров, избравших своим оружием сына его, Алексея. В этой борьбе с реакцией Петр опирается на людей из народа. Стремясь к прогрессу, он способствует проникновению прогрессивного духа в Россию, он открывает окно в цивилизованную Европу. В этом фильме отражена сила народа, который рано или поздно должен был победить».

Выставка

«вырождающегося искусства»

Выдающиеся английские художники организовали в лондонской художественной галерее «Нью-Берлингтон» выставку «вырождающегося искусства». На выставке показаны картины германских мастеров XX века, которые фашистами отнесены к «вырождающемуся искусству». Центральное место на выставке занимают картины знаменитого немецкого художника Либерамана, высоко ценимого в Англии. Либераман, подвергавшийся преследованиям в Германии, как еврей, вынужден был эмигрировать.

«Китайский народ уверен в своем будущем»

Китайское правительство официально сообщило английскому министерству иностранных дел, что оно намерено перевести обратно в Китай национальные художественные сокровища, доставленные в 1936 году в Лондон и демонстрировавшиеся на организованной там китайской выставке. Эти сокровища оцениваются минимально в 10 миллионов фунтов стерлингов. При обратном транспортировании они будут охраняться английскими военными судами.

«Тот факт, что китайские художественные сокровища перевозятся теперь обратно в Китай» — пишет пражская газета «Роте фане» — «свидетельствует о том, что китайский народ, несмотря на японскую агрессию, уверен в своем будущем».

Словарь американской литературы
Американское издательство Скранберс готовит к выпуску словарь американской литературы под заглавием «Американская литература прошлого и настоящего. Книга фактических сведений». Словарь составлен так, чтобы он мог отвечать требованиям не только читающей публики, но и школ и библиотек.

Памяти Вордсворта

В последние годы в Англии сильно оживился интерес к одному из крупнейших поэтов начала XIX века, главе так называемой «озерной школы» английской поэзии, Вильяму Вордсворту. Вновь издаются его стихотворения и прозаические произведения, в которых отражены литературные и политические взгляды поэта, сближающие его с нашей современностью. Антикапиталистические настроения Вордсворта отразились в его высказываниях о социальном и политическом назначении поэзии, как средстве объединения людей и одного из орудий борьбы с капиталистической системой. Возросший интерес к поэту выразился в том, что существующий в Англии Комитет памяти Вордсворта объявил подписку для сбора 2000 фунтов стерлингов на приобретение дома в Кокермаусе (Кэмберленд, Англия), где родился Вордсворт. Дом будет сохранен, как национальное достояние и превращен в музей.

Писатели клеймят фашистское варварство

Культурные и гуманитарные организации, профсоюзы, женские и студенческие объединения, известные писатели, ученые и художники всех стран выступили с негодующим протестом против нового чудовищного преступления германских фашистских властей, казнивших варварским способом (посредством отсечения головы топором) коммунистку Лилло Германи, мать четырехлетнего

ребенка, и трех антифашистов — Стейдле, Герлица и Повача, обвиненных в «измене родине».

Геррих Манн, Лион Фейхтвангер и ряд других известных немецких писателей опубликовали в парижской газете «Паризер татсейтунг» воззвание против фашистских палачей, в котором пишут:

«Мы знаем, что это судебное убийство нескольких человек вызвано стремлением агрессивную войну. Гнетно пытались они пробудить в Германии шовинистические инстинкты в связи с оккупацией Австрии. Они вынуждены временно воздержаться от своих планов нападения на Чехословакию. Немецкий народ хочет мира, и с каждым днем растет его сопротивление грозящей военной катастрофе. Поэтому, короче говоря, мы властителям приходится устранивать противников войны, применяя против них насилие».

Мы преклоняемся перед сознательностью и мужеством молодой матери и ее товарищей, которые, как многие в Германии, умерли в борьбе за бесмертные идеи мира и свободы. С волнением воспринимая мы глубокое сочувствие, которое проявили к судьбе убитых антифашистов свободомыслящие и челоколюбивые люди во всех странах, и негодующий протест всего цивилизованного мира. Тем более мы, как немцы, выступаем с пламенным протестом против гнусного преступления палачей, которое служит новым доказательством для всех народов, на какое варварство способна фашистская диктатура в Германии».

Пабло Казальс отклонил приглашение Микадо

Всемирно известный виолончелист Пабло Казальс получил от японского императора приглашение совершить концертное турне по Японии. Казальс категорически отклонил это предложение, ответив, что он решил не давать концертов ни в одной из фашистских или агрессивных стран.